

Елена СУББОТИНА

ПОСЛЕ ПЕРВОГО СНЕГА

* * *

Когда после первого снега
пройдёт второй снег
и тоже растает,
когда всё вокруг будет серым,
кроме рябиновых гроздей,
и редкий солнечный день
будет казаться праздником,
возле моего дома появится лужа.
И я буду обходить её по самому краю,
почти по проезжей части,
и каждый раз вспоминать,
как в конце прошлой зимы
здесь была такая же лужа
и мы бесстрашно шли по воде,
держась за руки.

ПОДСТРОЧНИК НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ ПЕСНИ

Тридцать первое мая.
Радиатор всё ещё греет лучше, чем солнце.
Вечером над рекой среди туч
появилась радуга и пропала.
Ветер сменился на северный.
Я холодная пучеглазая рыба.
Я плыву в плотной пучине прожитых лет
и не вижу где верх, а где низ.
В этом мае все немного поехавшие.
Сквозь толщу воды
читаю сводки новостей:
по улицам бродят безумцы,
пьяная жена зарезала пьяного мужа,
подростки разбили окна кафе.
... Я купил в лавке Библию.
Хотя это было ещё в апреле,
накануне Пасхи.
Теперь везде замечаю

промысел бога-невротика.
Ещё я купил тёплый свитер,
потому что уже не надеюсь на лето.
Но синоптики обещают, что оно будет жарким.
О, я должен научиться мечтать.
Вот хотя бы о жарком лете.
Но я слишком смирился с обстоятельствами.
Я холодная рыба,
глядящая на тебя сквозь толщу прожитых лет.

2037

Я отче ваш, оставленные дети.
Ещё я не в земле, а на земле.
Как муха, я барахтаюсь в смоле
Всемирной беспощадной круговерти.

Я пережил войну, коронавирус,
Я полз в пучине ядерной зимы,
И снилось мне, что мне однажды снилось,
Как вы пришли ко мне и вместе мы

Сидим под деревом, вокруг летают пчёлы.
Я говорю вам, мир не без добра.
Потягиваю чай из этанола,
Чуть-чуть нетрезвый с самого утра.

О племя хилое, но всё-таки младое,
Не видевшее неба и берёз,
Вы маетесь, проигранные мною,
В плену у металлических стрекоз.

...Я просыпаюсь, шаркает по крыше
Кислотный дождь, во рту моем горчит.
Скребут за койкой каменные мыши
И чип под кожей тоненько пищит.

* * *

Это пришла весна камуфляжного цвета.
И ты наконец проснулся,
вокруг посмотрел и понял,
что тёплый в ромашках пригорок,

который считал жизнью, –
это только виденье,
пока ты спал в перерывах
между двумя боями.
На самом деле ты ангел,
ты – ангел Судного дня.
Встаешь, расправляешь крылья.
Слышишь, шуршат твои крылья?!
Ты готов убивать шайтанов,
живущих внутри телебашен.
Твой голос гремит, разлетаясь
далеко-далеко по округе.
И ты будешь жечь шайтанов,
пока зрачки твои узки
и разум твой отдан Богу,
который удобрит землю
твоим молодым телом.
На ней зацветёт подсолнух,
и будет он улыбаться,
сощуриив свои глазки,
смотреть в голубое небо,
которое лишь картинка
в зрачках боевого друга –
того, что уже засыпает,
и сердце его не бьётся
в весенней серой пыли.

* * *

*«Тятя, тятя! наши сети
Притащили мертвеца».*

А.С. Пушкин

She's lost control.
Она стоит у реки
и смотрит
на плывущих у берега
мертвецов.
Мертвецы улыбаются ей
безгубыми ртами
и тянут тощие руки.
Она видит
длинные вереницы чужих
бессонных ночей,

наполненных
иногда любовью,
иногда надеждами,
но чаще липкой
нервной бессонницей,
страхом будущего,
страхом прошлого,
долгими кошмарами,
когда застряваешь
где-то между явью и сном
в мучительной попытке
проснуться.

She's lost control.
Мертвецы открывают рты.
Она слушает и силится
поймать их дыхание.
Но мертвецы не дышат,
даже если заговорят.

ЛЕГЕНДА О ЦУНЕ

*Гладь пруда отражает Млечный Путь.
Постарайся заметить и то, и это.*

Цунь Даян, XVI век

Китайский философ Цунь Даян
любил слушать пение лягушек.
Сядет, бывало, у пруда,
закроет глаза
и проведет так всю ночь.

В провинции,
где жил Даян,
ночи тёмные, тёплые –
сиди и наслаждайся.
Глаза у философа закрыты,
но на обратной стороне сомкнутых век
видит он весь космос.
Радужные облака галактик
плывут и сталкиваются,
закручиваясь в спирали
и рассыпаясь
тонкими цветными волокнами...

И даже взрывы звёзд –
будто мерцание светлячков,
живущих в саду
за домом Цуня.

«Какая гармония во всем», –
думал философ.
И песни лягушек
были для него
стройной космической музыкой.

Но однажды,
впервые за много лет,
в те края пришли морозы,
лёд сковал бессонное око пруда.
Философ, как обычно, стоял на берегу,
но его окутывала только
зябкая глухая тишина.
И не было космоса
за плотно сжатыми веками.
И тогда Цунь понял,
что в этой всеобщей немоте
должен запеть сам.
И он запел так,
как могли бы петь лягушки,
если бы стали людьми.
На его непривычный скрипучий
то ли плач, то ли хохот
прибежали люди из деревни.
Но, увидев философа,
решили не мешать уважаемому,
пусть и немного странному человеку.